
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО
АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА:
НА ПУТИ
К «КРАСНОМУ КОЛЕСУ»

Материалы Международной научной конференции
Москва, 7–9 декабря 2011 года

Жизнь и творчество Александра Солженицына:
на пути к «Красному Колесу»: сборник статей / сост. Л.И. Сараскина.
М. : Русский путь, 2013. С. 255–262

Москва
РУССКИЙ ПУТЬ
2013

Евгения Иванова
Москва

«ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ» А. БЛОКА
КАК КОММЕНТАРИЙ К «КРАСНОМУ КОЛЕСУ»

В одном из интервью, посвящённом эпопее «Красное Колесо», А.И. Солженицын сформулировал её «сверхзадачу»: «<...> Существует такой афоризм: “Тот, кто забывает свою историю, обречён её повторить”. Если мы не будем знать своей истории, мы снова понесём все те жертвы, те же ошибки, те же не-суразности, снова и снова. Историю знать нам надо»¹. Эта очень важная идея «исторического урока» обусловила совершенно особое строение эпопеи: тут и художественное повествование, и монтаж с включением подлинных исторических документов, и газетная хроника, и сцены в жанре исторического романа, с реальными действующими лицами, в том числе с императором Николаем II, императрицей Александрой Фёдоровной, великим князем Николаем Николаевичем, наконец, голос автора, который, как представляется, наиболее отчётливо слышен в лаконичных пословицах, подводящих итог главам.

Если мы внимательно взглянем в биографию Блока на отрезке от марта 1917 до начала 1918 года, то увидим, что его деятельность этого периода была подчинена, по существу, той же задаче: в марте 1917-го он приехал в охваченный революцией Петроград, поступил на работу в ту самую Чрезвычайную Следственную Комиссию, которая упоминается в «Красном Колесе» в сцене встречи Керенского с адвокатом Карабчиевским. Напомню слова Керенского: «Из первых же наших действий будет — создать Чрезвычайную Следственную Комиссию для предания суду бывших министров! сановников! высоких должностных лиц! А председателем назначу, — захохотал, но и снова строго, — московского присяжного поверенного Муравьёва! А? за одну фамилию! Пусть вспоминают Муравьёва-вешателя, Муравьёва-министра — и трепещут!»²

С первых шагов на этом поприще идея исторического урока полностью захватила все помыслы поэта. Восторженных оценок революционных будней Петрограда достаточно в записных книжках и переписке Блока весны 1917-го; приведём своеобразное резюме этих восторгов — запись от 22 апреля: «Всё будет хорошо. Россия будет великой. Но как долго ждать, и как трудно дождаться»³. Блок посещает тех самых Мережковских, которые мелькают и на страницах «Красного Колеса», 22 марта. З.Н. Гиппиус записала в дневнике: «Сегодня был А. Блок. С фронта приехал (он там в Земсоюзе, что ли). Говорит, там тускло. Радости революционной не ощущается. Будни войны невы-

носимы. <...> Спрашивает беспомощно: “что же мне теперь делать, чтобы послужить демократии?”⁴. Работа в Чрезвычайной Следственной Комиссии и стала для Блока «службой демократии».

Поначалу Комиссия носила длинное название: Чрезвычайная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и высших должностных лиц. Она была создана Временным правительством для расследования деятельности чиновников царского правительства. «Задачей Комиссии, — вспоминал один из её сотрудников, — было раскрытие тех тяжких преступлений, которые молвою и печатью, при содействии некоторых членов Государственной Думы, приписывались прежней власти. Кроме того, по утверждению некоторых тогдашних деятелей, целью учреждения Комиссии было введение в правовое руло народного гнева против деятелей старого режима и избавление их от самосудов»⁵. Однако, как продолжает мемуарист, ни о каком народном гнве речь не шла, гнев был партийный, и по мере работы Комиссии её название стало менее угрожающим: Чрезвычайная Следственная Комиссия по расследованию деятельности бывших царских министров и сановников, а потом и вовсе — ЧСК, как мы её в дальнейшем и станем именовать.

Кстати, ирония, с которой Солженицын отнёсся к назначению Муравьёва председателем Комиссии, присутствует и в записях о Муравьёве Блока. 12 июля 1917 года он записал в дневнике: «Произошло странное недоразумение: я записал для председателя слова Белецкого о большевиках как о “первых христианах” и пр., сказанные в крепости 6 июля. Председатель сказал, что, наоборот, Белецкий говорил о меньшевиках; когда я хотел взять бумагу обратно, Муравьёв спрятал в карман и сказал: “Зачем же вам переписывать?” Идельсон согласен со мной, что Белецкий говорил именно о большевиках»⁶.

Основная работа Блока в Комиссии состояла в редактировании стенограмм допросов и дознаний, которые производила следственная часть. На некоторых допросах он, как и остальные члены редакторской группы, присутствовал, а также вместе со следователями принимал участие в обходах камер и беседах с заключёнными. Допросы и беседы с заключёнными, а также лицами, привлечёнными к дознанию в качестве свидетелей, стенографировались и затем расшифровывались, и тогда к работе приступал Блок в качестве редактора. Я перечислю только тех лиц из царского окружения, стенограммы допросов которых непосредственно готовил Блок и которые с его редакторскими пометами сохранились в его архиве: В.Н. Воейков, А.А. Вырубова, И.Л. Горемыкин, М.С. Комиссаров, О.В. Лахтина, Н.А. Маклаков, М.В. Родзянко, А.И. Спиридович, М.И. Трусевич, В.Б. Фредерикс, С.С. Хабалов, Б.В. Штюмер, А.Н. Хвостов и А.Д. Протопопов. Кстати, последний написал ещё и записки, их также редактировал Блок, они сохранились в архиве.

Задача ЧСК состояла первоначально в том, чтобы подготовить отчёт Учредительному Собранию. План этого отчёта всё время менялся, он обсуждался на заседаниях, и Блок принимал в этих обсуждениях самое живое участие. По одному из планов, каждый сотрудник должен был написать очерк о ком-то из

подследственных. Блоку выпадало писать о Протопопове, Воейкове и Вырубовой. Казалось, такая художественная задача должна была вдохновить Блока: присутствуя на допросах, он имел возможность не только ознакомиться с их показаниями, но и наблюдать психологию подследственных; можно было бы привести его замечания о личности Вырубовой и Протопопова (кстати, от допроса к допросу всё более сочувственные).

Приступая к работе в ЧСК, Блок был настроен резко отрицательно по отношению к тем, над кем предстояло свершиться историческому возмездию. 3 мая в письме к жене он назвал их «пошляками, которые арестованы» (8; 488). Отношение к ним изменилось, как только из отвлечённых носителей власти подследственные стали для Блока живыми людьми, судьбы которых находились в руках Комиссии. После посещения Петропавловской крепости 19 мая он записал свои впечатления — о Протопопове: «<...> смотрел на него (председателя ЧСК Муравьёва. — Е.И.) снизу вверх, я бы сказал — немного по-детски» (ЗК; 337), о Вырубовой: она «<...> говорит всё так же беспомощно, смотря просительно, косясь на меня» (ЗК; 338), о Климовиче: «<...> к нему чувствуешь большое уважение» (там же).

Выводы были неожиданными. 21 мая Блок записал: «Никого нельзя судить. Человек в горе и в унижении становится ребёнком. Вспомни Вырубову, она врёт по-детски, а как любил её кто-нибудь. Вспомни, как по-детски посмотрел Протопопов на Муравьёва — снизу вверх, как виноватый мальчишка <...>. Сердце, обливайся слезами жалости ко всему, ко всему, и помни, что никого нельзя судить...» (ЗК; 340). 11 июня он писал о Белецком в письме матери: «В этой грубой скотинке есть детское» (8; 501). И как итог этих наблюдений — запись от 26 мая: «Положение: завтра я опять буду рассматривать этих людей. Я вижу их в горе и унижении, я не видал их — в “недосягаемости”, в “блеске власти”. К ним надо отнестись с величайшей пристальностью, в сознании *страшной* ответственности».

В письме к матери Блок признавался: «Я “сораспинаюсь со всеми”, как кто-то у А. Белого. Действительно, очень, очень тяжело. Вчера царскосельский комendant рассказывал подробно всё, что делает сейчас царская семья. И это тяжело. Вообще все правы — и кадеты правы, и Горький с “двумя душами”⁷⁷ прав, и в большевизме есть страшная правда» (8; 495).

Идея персональной ответственности казалась Блоку всё более и более проблематичной. Кстати, забегая вперёд, скажем, что ЧСК так и не сумела юридически справиться с поставленной задачей; в этом смысле итог её работы в чём-то напоминал суд над компартией в нашей стране в 90-е годы. Важным поэтому представляется мнение Блока о том, чего следует опасаться в будущем отчёте: «<...> преувеличить значение имён, что как бы подтвердит легенду, создаст ошибку чисто зрительную. Опять конкретизирую примером: Протопопов (даже) — личность страшно интересная с точки зрения психологической, исторической и т.д., но вовсе не интересная *политически*. Так сказать, не он был, а “его было”, как любого из них» (7; 289).

По мнению Блока, все эти люди были вовлечены в водоворот политических стихий как бы помимо своей воли, и их человеческая ничтожность несоизмерима с теми историческими сдвигами, которые себя через них обнаруживали. Неслучайно во время работы в ЧСК Блок перечитывал В.О. Ключевского, после чего записал: «Ключевский 4-м периодом русской истории считает период с начала XVII века до начала царствования Александра II (1613–1855). <...> Мы в феврале 1917 года заключили 5-й период (три огромных царствования) и выступаем в шестой (переходный). Итак, и 5-й период уже доступен нашему изучению “на всём протяжении”. Рубежом 3–4-го периодов была эпоха самозванцев — запомним. Да будет 41-я лекция Ключевского⁸ нашей настольной книгой — для русских людей как можно большего круга» (7; 204).

Напомним, что образ Смутного времени стоял и перед мысленным взором Солженицына в период работы над «Красным Колесом». Главным для Блока было не установление вины; ему казалось, что расследования Комиссии откроют возможность больших исторических обобщений, и тут нельзя не вспомнить идею исторического урока Солженицына. В силу того что «5-й период» доступен «на всём протяжении», доклад ЧСК приобретал в его глазах итоговое значение по отношению к целому периоду русской истории и государственности, окончившемуся в феврале 1917 года. «Я вижу и слышу теперь то, чего почти никто не видит и не слышит, что немногим приходится наблюдать раз в сто лет», — писал он Л.Д. Блок 14 мая 1917 года (8; 491). Отметим кстати, что Блок составлял и сводку событий в хронологическом порядке по газетам, 50 страниц убористого текста сохранились в его архиве. То есть все позиции, с которых изображаются исторические события в «Красном Колесе», в жизни Блока этого года присутствовали, как и ощущение возложенной на него исторической миссии.

Мысли о жанре и форме будущего доклада присутствуют в записях Блока едва ли не с самых первых дней работы в Комиссии. В стенограммах, которые редактировал Блок, он слышал живой голос истории, шум её переворачиваемых страниц, и его очень заботило, сумеет ли их работа дать возможность услышать этот голос революционному народу. Он надеялся, что из такого опыта можно будет извлечь некоторые практические уроки, которые помогут в строительстве новой государственности. «Нельзя забывать, что это было *русское* правительство; если оно и не опиралось на общество, то по крайней мере поддерживалось им, кормилось от него; свойства, проявляемые этими людьми, жили и до сих пор живут в народе <...>. Любя Россию, можно различно относиться к этим свойствам: можно, негодуя, любить; можно, презирая, прощать. Но прежде всего необходимо *показать* эти свойства во всей их неуукрашенности, осветить их носителей ярким светом перед народом» (7; 444). Отчёт Комиссии в представлении поэта мог стать историческим уроком, который необходимо было усвоить в интересах будущей России.

По замыслу, ЧСК должна была подготовить отчёт Учредительному Собранию, на которое была возложена миссия определить судьбу подследственных. Блок с огромной ответственностью относился к жанру будущего докла-

да. Мы не имеем возможности процитировать многочисленные его рассуждения на этот счёт; приведём лишь запись от 18 июня: «В отчёте Комиссии следует обойтись без анекдотов; но использовать тот богатый *литературный* материал, который дают именно стенограммы и письменные показания, можно» (7; 265). О чисто литературном значении материалов Комиссии Блок упоминал и в записке об издании стенограмм (6; 443–445).

Боле того, уже после Октябрьского переворота Блок в одиночку написал тот отчёт, который он мечтал передать в руки демократии. В первой публикации в журнале «Былое» очерк носил название «Последние дни самодержавия», но это заглавие не блоковское, это заглавие раздела, который был поручен поэту в рамках работы Комиссии. Отдельное издание, которое вышло в издательстве «Алконост», он озаглавил «Последние дни императорской власти», однако текст журнальной и окончательной публикаций в основном совпадал. Это единственное в биографии Блока документальное повествование опиралось на его огромную по масштабам работу по редактированию протоколов. По нашим подсчётам, меньше чем за год работы в ЧСК Блок подготовил около тысячи протоколов допросов, но пока эта работа в биографии поэта остаётся белым пятном, и только Г.М. Катков в своём исследовании «Февральская революция»⁹ и А.И. Солженицын в предисловии к этой книге ссылались на очерк Блока как на важный исторический источник.

То есть если брать в совокупности деятельность Блока этого периода, то перед нами как бы потенциальный герой «Красного Колеса»; тем более интересна роль, которую работа над этим «уроком истории» сыграла в политическом самоопределении поэта. О том, что в первые февральские дни все его симпатии находились на стороне демократии, мы уже упоминали. Один из главных выводов, который Блок сделал из расследований Комиссии, он сформулировал в дневнике следующим образом: «На исходе 1916 года все члены государственного тела России были поражены болезнью, которая уже не могла ни пройти сама, ни быть излеченной обыкновенными средствами, но требовала сложной и опасной операции» и далее: «Главный толчок к развитию болезни дала война; она уже третий год расшатывала государственный организм, обнаруживая всю его ветхость и лишая его последних творческих сил» (6; 189).

Блоковское отношение к рухнувшей монархии суммирует следующая запись в дневнике: «Старая русская власть делилась на безответственную и ответственную. Вторая несла ответственность только перед первой, а не перед народом. Такой порядок требовал людей верующих (вера в помазание), мужественных (нераздрвоенных) и честных (аксиомы нравственности). С непомерным же развитием России вглубь и вширь он требовал ещё — всё повелительнее — гениальности. Всех этих свойств давно уже не было у носителей власти в России. Верхи мельчали, развращая низы. Всё это продолжалось много лет. Последние годы, по признанию самих носителей власти, они были уже совершенно растеряны. Однако равновесие не нарушалось. Безвластие сверху уравновешивалось равнодушием снизу. Русская власть находила опору в ис-

конных чертах народа. Отрицанию отвечало отрицание. Так как опора была отрицательной, то, для того чтобы вывести из равновесия положение, надо было ждать толчка. Толчок этот, по громадности России, должен был быть очень силён. Таковым оказалась война 1914–1917 года» (7; 254).

Работа в Комиссии обогатила Блока опытом другого рода — работа протекала в Зимнем дворце, под наблюдением Временного правительства; в записях поэта несколько раз отмечается появление Керенского (кстати, оба раза Блок отзывается о нём вполне негативно). Но вот что любопытно: именно этот исторический опыт — допросы царских министров, действия Временного правительства, чтение газет и т.п. — направил симпатии поэта в сторону большевиков.

В период работы в ЧСК у Блока формируются резкие антикадетские настроения. Его записи от 16 июля 1917 года передают эти чувства: «<...> события пестрят в глазах, противоречивы; т.е. это утрата некоторая пафоса, в данном случае революционного. Я уже не могу бунтовать против кадет и почитываю прежде непонятное в “Русской свободе”. Это временно, надеюсь. Я ведь люблю кадет по крови, я ниже их во многом (в морали, прежде всего, в культурности потом), но мне стыдно было бы быть с ними» (7; 284).

Эти антикадетские настроения первоначально и направили симпатии Блока в сторону того, что казалось ему противоположным «кадетизму» полюсом, что он обозначал словом «большевизм», хотя и «кадетизм», и «большевизм» в данном случае поэт понимал достаточно условно, не как принадлежность к конкретным политическим партиям.

Как ни странно, именно тогда, после Февраля и в результате «урока истории», который Блок черпал в расследованиях ЧСК, в многоголосии всего, что он слышал и видел вокруг, что читал в газетах, поэт и выбрал для себя большевиков как силу, в наибольшей степени выражающую волю народа. Условность употребляемого им понятия «большевик» осознавал и сам поэт, записавший: «<...> это неверное название; это — группа, действующая на поверхности, за ней скрывается многое, что ещё не проявилось» (ЗК; 346).

Более того, употребляя в позитивном смысле термин «большевик», как скоро настоящие большевики всё же попадали в поле его зрения, поэт отсылался о них неизменно иронически. Например, 16 июня 1917 года, после посещения заседания съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, он записал: «Зал полон народу, сзади курят. На эстраде Чхеидзе, Зиновьев (отвратительный), Каменев, Луначарский» (7; 262).

После Октябрьской революции Блок будет писать с такой же неприязнью о Троцком (сравнение с Иудой — 7; 317) и других лидерах большевиков. Исключением на некоторое время станет В.И. Ленин, но позднее в неопубликованных дневниковых записях он будет назван «рабовладельцем». Именно работа в ЧСК сыграла свою роль в возникновении тех политических настроений, на волне которых была написана поэма «Двенадцать». И только опыт страшных трёх с половиной лет, прожитых при большевиках, рассеял эти иллюзии, и уже в 1919 году в Записных книжках Блока появляются записи, которые остались

неопубликованными. 4 мая: «Кое-что работал. Но работать по-настоящему уже не могу, пока на шее болтается новая петля полицейского государства»¹⁰. 12 июня: «Бредёшь пешочком, обгоняют матросы на собственных рысаках, полиция и убийцы на шикарных одиночках. Жарко очень. Чисто самодержавие. А рабочие плетутся измученные и голодные»¹¹. И на следующий день: «Один из органов департамента полиции запретил мне выезд в Стрельну...»¹² То есть уроком истории для самого Блока оказались не столько расследования Комиссии, сколько жизнь в том «полицейском государстве», которое несли «двенадцать» красноармейцев. Но «урок» и на этом не закончился, потому что глубоко символическим актом станет работа над отдельным изданием очерка «Последние дни императорской власти», предисловие к которому окажется последним текстом, написанным умирающим Блоком.

Готовя отдельное издание очерка в начале 1921 года для издательства «Алконост», поэт снабдил его документальными приложениями и внёс незначительную стилистическую правку. Но самым интересным, что появилось в этой книге, следует назвать заключение, которое В.Н. Орлов снял при публикации в восьмитомном собрании сочинений Блока. Журнальный вариант очерка заканчивался словами: «8 марта бывший император выехал из Ставки и был заключён в Царскосельском Александровском дворце». Но вот, работая над текстом отдельного издания очерка незадолго до смерти, Блок делает вставку, привнёсшую в очерк смысл, которого прежде не было. С точки зрения документальной ценности она не представляет никакого интереса — перед нами не более чем письмо неизвестного монархиста, причём принадлежащее человеку, явно ничем себя не прославившему. Почему именно данному письму Блок определяет роль заключительного аккорда в своём очерке, т.е. ставит его в ударную позицию, остаётся главной загадкой этой книги, потому что благодаря упомянутой вставке, по законам композиции, сообщающим особое значение финальным аккордам, текст, где речь всё время шла о неизлечимой болезни, поразившей русский государственный организм, о неспособности верхов управлять страной, о бездейственности министров и об отсутствии у них воли к власти, заключают слова, которые никак из этого содержания не вытекают.

«Ваше Величество, — читаем мы в письме неизвестного монархиста, обращённом к Государю уже после его отречения от престола, — простите нас, если мы прибегаем с горячей мольбой к нашему Богом данному нам Царю, не покидайте нас, Ваше Величество, не отнимайте у нас законного наследника престола русского. Только с Вами во главе возможно то единение русского народа, о котором Ваше Величество изволите писать в манифесте. Только со своим Богом данным Царём Россия может быть велика, сильна и крепка и достигнуть мира, благоденствия и счастья».

Ясно, что эту вставку делал уже не тот Блок, который создавал поэму «Двенадцать», а Блок, переживший череду самых разнообразных разочарований, как на ниве строительства новой культуры, так и на различных общественных поприщах послереволюционных лет, видевший и красный террор, и больше-

виков, разъезжающих на рысках по городу, успевший захватить и начало НЭПа, когда казавшийся бесследно сгинувшим страшный мир потихоньку начал выползать из подворотен и заполнять разгулом новых русских той эпохи улицы мёртвого и голодного Петрограда.

Что побудило поэта внести эту неожиданную ноту, остаётся одной из загадок последних дней его жизни. Но если ставить Блока в один ряд с другими героями «Красного Колеса», то история его политического самоопределения после 1917 года создаёт любопытную параллель исканиям героев Солженицына. Блоковские «восторги и печали» показывают всю меру человеческой слепоты даже таких людей, которых современники считали едва ли не прозорливцами и на мнение которых ориентировались. По существу, это и есть главный исторический урок, который следовало бы вынести из темы, которую в биографии Блока следовало бы обозначить как «интеллигенция и революция».

Примечания

¹ Солженицын А.И. Интервью с Дэвидом Эйкманом для журнала «Тайм» (23 мая 1989) // Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. Ярославль: Верхняя Волга, 1997. Т. 3. С. 335.

² Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках // Солженицын А.И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Время, 2008. Т. 13. С. 144.

³ Блок А. Записные книжки. 1901–1920. М.: Худ. лит., 1965. С. 318. Далее цитируется это издание, обозначаемое «ЗК», с указанием в скобках страниц.

⁴ Гиппиус З.Н. Синяя книга. Петербургский дневник: 1914–1918 / Комиссия палаты Академии наук. Белград: Тип. Раденковича, 1929. С. 24.

⁵ Романов А.Ф. Император Николай II и его правительство: В 2 кн. // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 2. С. 2–3.

⁶ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.: Гослитиздат, 1963. Т. 7. С. 280–281. Далее цитируется это издание с указанием в скобках тома и страниц.

⁷ «Две души» — статья М. Горького, впервые опубликованная в издававшемся им журнале «Летопись» (1915. № 1) и вызвавшая длительную полемику. В статье Горький критиковал русский народ за азиатчину, лень и тому подобные пороки. Н.А. Бердяев резюмировал содержание статьи как «отрицание России и идолопоклонство перед Европой» (см.: Бердяев Н. Азиатская и европейская душа // Утро России. 1916. 8 января).

⁸ Имеется в виду 41-я лекция «Курса русской истории» В.О. Ключевского (Ч. III. СПб., 1908). Этой лекции Блок намеревался посвятить оставшуюся незавершённой статью 1918 г. «Страница из дневника» (6; 448). На экземпляре книги Ключевского в личной библиотеке А.А. Блока множество помет (см.: Библиотека А.А. Блока. Кн. 2. С. 23).

⁹ См.: Катков Г.М. Февральская революция. М.: Русский путь, 1997.

¹⁰ Неопубликованная запись в Записной книжке № 60 // ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 35.

¹¹ Там же. Л. 49.

¹² Там же.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя (<i>Л.И. Сараскина</i>)	5
--	---

ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Обращение Ю.С. Осипова к участникам конференции	9
Слово М.В. Сеславинского	11
Слово В.П. Лукина	13

ОТОБРАЖЕНИЕ И ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В «КРАСНОМ КОЛЕСЕ»

<i>Алтынбаева Гульнара (Саратов)</i> Окололитературная среда начала XX века в «Красном Колесе» А.И. Солженицына	17
<i>Бальзамо Елена (Франция)</i> «...Выполнять свой долг. На своём месте»: личность и исторический процесс в «Красном Колесе»	28
<i>Воли Дэвид (США)</i> Искусство и история в «Красном Колесе» А.И. Солженицына	40
<i>Глушковский Пётр (Польша)</i> «Красное Колесо» с точки зрения историка	52
<i>Гуськов Вячеслав (Благовещенск)</i> Образ Руси уходящей в исторической эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо»	60
<i>Климов Алексей (США)</i> Колебания вектора истории в «Красном Колесе»	72
<i>Махони Дэниел (США)</i> «Зацариться»: Николай II и грядущая революция	80

<i>Шепель Алексей (Санкт-Петербург)</i>	
Роман А.И. Солженицына «Август Четырнадцатого»: работа писателя с военно-историческими материалами	92
<i>Щедрина Нэлли (Москва)</i>	
«Красное Колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века	100
<i>Юозайтис Арвидас (Литва)</i>	
Реформатор П.А. Столыпин и консерватор А.И. Солженицын: точки исторического соприкосновения	112
ФИЛОСОФСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ	
<i>Гапоненков Алексей (Саратов)</i>	
Истинный и ложный консерватизм в «Красном Колесе» А.И. Солженицына	121
<i>Герасимова Людмила (Саратов)</i>	
Пневматология как свойство реализма А.И. Солженицына в «Красном Колесе»	132
<i>Джайтли Изабелла (Индия)</i>	
«О сопротивлении злу силою»: отражение идеи Ивана Ильина в «Красном Колесе»	141
<i>Перселл Брендан (Австралия)</i>	
Некоторые размышления о философской и теологической историографии в «Красном Колесе» Александра Солженицына	151
<i>Пивоваров Борис (Новосибирск)</i>	
Богоборчество как движущая сила революции: ответ «Красного Колеса»	169
<i>Понтузо Джеймс (США)</i>	
Феноменология религии в «Красном Колесе» Солженицына	185
<i>Проскураина Елена (Новосибирск)</i>	
Солженицын в восприятии Александра Шмемана	192
<i>Смыковская Татьяна (Благовещенск)</i>	
Духовное крушение или «найти Святого Духа»? (Пасхальные мотивы в «Красном Колесе»)	205
<i>Хутен Джессика (США)</i>	
Напоминание об истине Божией в «Красном Колесе»	216
<i>Эриксон Эдвард, мл. (США)</i>	
«Ничего нет выше любви»: религиозная составляющая «Октября Шестнадцатого»	223

«КРАСНОЕ КОЛЕСО»
И ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ

<i>Бочаров Сергей (Москва)</i> Россия и революция: от Тютчева к «Красному Колесу»	235
<i>Вахтель Эндрю (США)</i> Раздвигая границы пространства и времени: Андрич, Солженицын и проблема историзма	241
<i>Иванова Евгения (Москва)</i> «Последние дни императорской власти» А. Блока как комментарий к «Красному Колесу»	255
<i>Кибальник Сергей (Санкт-Петербург)</i> Г.И. Газданов и А.И. Солженицын	263
<i>Котельников Владимир (Санкт-Петербург)</i> Картина человека в «Красном Колесе»	267
<i>Сараскина Людмила (Москва)</i> В.В. Набоков и А.И. Солженицын в пространстве Больших Идей	276
<i>Спиваковский Павел (Москва)</i> Проблема релятивизма: Солженицын, Чехов, Достоевский и поиск истины	287
<i>Тюрина Галина (Москва)</i> Тема Москвы в «Красном Колесе»	294

ТВОРЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

<i>Вакамия Лиза Риоко (США)</i> «Дневник Р-17» и «Красное Колесо»: диалог автобиографии, литературы и историографии	305
<i>Ковтун Наталья (Красноярск)</i> Идея «сбережения народа» в ранних текстах А. Солженицына	313
<i>Лесур Франсуаза (Франция)</i> «Люби революцию»: пролог к «Красному Колесу»	328
<i>Роднянская Ирина (Москва)</i> Лирико-патетическое начало в «Архипелаге ГУЛАГ» (К сравнению задач двух эпопей Александра Солженицына)	337
<i>Сидор Моника (Польша)</i> Личность, общество, коллективный герой: трансформации модели героя в ранних произведениях А. Солженицына	347

ПОЭТИКА «КРАСНОГО КОЛЕСА»

<i>Аркатова Анна (США)</i>	
Система ключевых женских образов в эпопее А. Солженицына «Красное Колесо»	359
<i>Баршт Константин (Санкт-Петербург)</i>	
О нарративной структуре «Красного Колеса» А.И. Солженицына	370
<i>Ванюков Александр (Саратов)</i>	
«Красное Колесо» А.И. Солженицына: поэтика заглавия и структура повествования (Узел II. «Октябрь Шестнадцатого»)	387
<i>Дюран Клод (Франция)</i>	
Некоторые заметки об использовании пословиц в литературе, в особенности в русской литературе, в частности в «Красном Колесе» Александра Солженицына	406
<i>Ивамото Кадзухиса (Япония)</i>	
Ленин и Солженицын: идентификация автора «Красного Колеса» с героем	427
<i>Мелентьева Ирина (Москва)</i>	
Свет и тьма восьмой главы «Августа Четырнадцатого»	437
<i>Солженицына Наталия (Москва)</i>	
Картотека «Красного Колеса»: замысел и осуществление	442
<i>Темпест Ричард (США)</i>	
Фермопилы Георгия Воротынцева: солженицынская концепция мужественности	452
<i>Урманов Александр (Благовещенск)</i>	
«Саранча из бездны...» (Библейская символика в «Красном Колесе»)	462
<i>Хитрая Анна (Москва)</i>	
Художественное слово как форма выражения историософских воззрений А.И. Солженицына	474
<i>Шмелев Алексей (Москва)</i>	
Лингвистические мотивы в творчестве Солженицына: на пути к «Красному Колесу»	481
СОЛЖЕНИЦЫН И СОВРЕМЕННОСТЬ	
<i>Гальцева Рената (Москва)</i>	
По дороге «Красного Колеса» в обратную сторону, или Борьба на два фронта	499

<i>Жэнь Гуансюань (Китай)</i>	
«Красное Колесо» А. Солженицына в Китае	513
<i>Шляпентох Дмитрий (США)</i>	
«Красное Колесо» Солженицына: между эмоциями и реальностью	518
<i>Сараскина Людмила (Москва)</i>	
Неизбежность очерка о П.А. Столыпине в «Красном Колесе»	
А.И. Солженицына	533

ЗАКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Струве Никита (Франция)</i>	
Том за томом: заметки первоиздателя «Красного Колеса»	549